

ХТ 16(4)

244

и. всевъ странъ, соединяйтесь!
HARVARD COLLEGE LIBRARY

BOUGHT FROM
DUPLICATE MONEY

FEB 13 1940

ЛИСТОКЪ

„РАБОТНИКА“

Входите в перводлическіе

Р. С. Д. Р. И.

Издание „Союза Русских Социал-демократовъ“

Бу 113

№ 5

ЯНВАРЬ 1898

№ 5

Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ.*)

Когда изданъ былъ законъ 2-го июня 1897 г. объ 11^{1/2} часовомъ рабочемъ днѣ, министръ финансовъ издалъ Правила и Инструкція, дѣлающія этотъ законъ закономъ о 13-14-часовомъ рабочемъ днѣ. Министръ финансовъ допускаетъ сверхурочныя работы даже въ случаѣ сезонныхъ и спѣшныхъ работъ. Такимъ образомъ, своимъ циркулярами министръ прямо-таки отмѣнилъ законъ объ 11^{1/2}-час. рабочемъ днѣ. Теперь законъ началь отмѣняетъ министръ внутрен. дѣлъ. Въ своемъ циркуляре отъ 12 августа 1897 г. онъ сообщаетъ очень интересныя свѣдѣнія о силѣ и размѣрахъ рабочаго движения, признаетъ его **весьма опаснымъ** для существующаго нынѣ правительства и общественного порядка. А такъ какъ нѣгъ такихъ законовъ, съ помощью которыхъ можно было бы задавить рабочее движение, то министръ предлагаетъ поступать съ рабочими **противозаконно**.

Какъ видно изъ надписи „секретно“, циркуляръ этого предназначался для однихъ только губернаторовъ. Онъ не будетъ напечатанъ ни въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“, ни въ другихъ газетахъ, явно издаваемыхъ въ Россіи. Почему же русское правительство считаетъ нужнымъ скрывать свои распоряженія? Почему оно боится огласки? Циркуляръ этотъ сыпетъ на головы рабочихъ новые преслѣдованія. Почему правительство скрываетъ отъ рабочихъ циркуляръ, такъ близко касающійся ихъ интересовъ? Если бы оно дѣлало добро рабочимъ, стало-ли бы оно скрываться? Конечно, нѣтъ. Русское правительство не хочетъ, чтобы рабочие считали его своимъ врагомъ. Еще въ прошломъ году министръ финансовъ говорилъ въ своей прокламаціи къ рабочимъ, что правительству одинаково дороги какъ интересы капиталистовъ, такъ и интересы рабочихъ.

*) См. Лист. „Работника“, № 3-4.

Это говорилось открыто. А теперь тайно министръ внутрен. дѣль приказываетъ всячески преслѣдоватъ рабочихъ. На словахъ русское правительство другъ рабочихъ, на дѣї — злѣйшій врагъ.

Что узнаемъ мы изъ этого циркуляра?

Отъ самого министра внутреннихъ дѣль, правой руки царя, мы узнаемъ очень интересныи вещи о размѣрахъ и силѣ рабочаго движенія. Въ 1896 году произошла извѣстная массовая стачка въ Петербургѣ. Осенью того же года рядъ забастовокъ въ Москвѣ и центральномъ фабричномъ районѣ, повторились также стачки въ Петербургѣ. Съ весны 1897 г. забастовки фабричныхъ, заводскихъ и даже цеховыхъ рабочихъ сдѣлались заурядными явленіемъ во многихъ городахъ и фабричныхъ центрахъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ стачка была рѣдкимъ явленіемъ. Теперь — это явленіе заурядное. Начавшись въ Петербурга и Западнаго Края, русское рабочее движеніе въ 1896-97 гг. успѣло распространиться во многихъ большихъ городахъ и фабричныхъ центрахъ!

Рабочее движеніе растетъ не только въ ширь, но и въ глубь. Министръ говоритъ, что всѣ эти стачки отличались сохраненіемъ порядка и спокойствія. Это, разумѣется, очень оторчаетъ его, потому что свидѣтельствуетъ о значительномъ подвинувшемся впередъ развитіи и самосознаніи нашихъ промышленныхъ рабочихъ. Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ у насъ почти не происходило мирныхъ стачекъ, — рабочие, бросая работу, всегда производили фабричные беспорядки, били стекла, портили машины, безчинствовали. Примѣромъ тому служатъ беспорядки въ Серпуховѣ въ прошломъ году. Такого рода беспорядки немедленно подавляются полиціей, солдатами и казаками. Дни 2-3 рабочие побунгуютъ, нѣсколько человѣкъ солдатъ убьютъ, казаки изобьютъ бунтарей нагайками, полиція посадить нѣсколько десятковъ рабочихъ въ тюрьму, — смотришь, чрезъ три дня рабочие идутъ на работу, ничего не добившись. Да и потомъ долгое время, какъ бы ихъ ни притѣснялъ хозяинъ, не рѣшаются вступить въ стачку: "будемъ противиться хозяйской волѣ, — памъ же хуже будетъ", говорили запуганные рабочие. Съ усиленіемъ и распространениемъ дисциплины среди рабочихъ во время стачекъ, быстрое, насильтвенное подавленіе ихъ болѣе или менѣе затрудняется, такъ какъ начальству пришлось бы безъ всякаго винѣнія поводъ прибѣгать къ злодѣяніямъ, подобнымъ тѣмъ, какія оно недавно совершало въ Серпуховѣ и Домброво*. Вполнѣ естественно: министра такъ смущаетъ "дисциплина среди стачечниковъ". За то настъ она чрезвычайно радуетъ.

*) См. ниже прокламацію "Кievskago Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса" по поводу правительства звѣрства въ мѣстечкѣ Домброво. Примѣръ этотъ показываетъ, что правительство способно пускать въ ходъ грубую силу противъ стачечниковъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда они и повода къ этому не даютъ.
Ред.

Распространеніе рабочаго движенія и выдержанность поведенія стачечниковъ министръ внутреннихъ дѣль приписываетъ отчасти дѣятельности тайныхъ революціонныхъ сообществъ, вродѣ "Союза борьбы за освобожденіе рабочаго класса" въ Петербургѣ и "Рабочаго союза" въ Москвѣ. Министръ отмѣчаетъ, что нѣкоторыя стачки возникаютъ безъ участія соціалистовъ на фабрикахъ, на которыхъ положеніе рабочихъ особенно тяжело. Въ другихъ случаяхъ соціаль-демократы собираютъ свѣдѣнія о томъ, на что жалуются рабочіе, и листками побуждаютъ рабочихъ къ борьбѣ въ защиту своихъ интересовъ. Гѣ же соціальдемократы устраиваютъ кружки среди рабочихъ, на которыхъ знакомятъ ихъ съ политической экономіей, соціализмомъ и политикой. Такимъ образомъ, министръ признаетъ, что лучшими и единственными друзьями рабочихъ являются соціальдемократы, члены тайныхъ сообществъ: они заботятся и объ умственномъ развитіи рабочихъ, и объ улучшениіи ихъ экономического положенія. Но министръ ошибается, если думаетъ, что большинство членовъ соц.-демократическихъ обществъ принадлежитъ къ учащейся молодежи: кружки эти состоятъ какъ изъ учащейся и выучившейся молодежи, такъ и изъ образованныхъ рабочихъ; послѣдніе всегда составляютъ большинство членовъ такихъ союзовъ. Впрочемъ, это небольшая ошибка; въ общемъ же, свѣдѣнія министра вполнѣ вѣрны. Дѣйствительно, соціальдемократы, эти преданные защитники рабочаго дѣла, дѣлаютъ рабочимъ много добра.

А добро это заключается въ слѣдующемъ. Всѣмъ извѣстно, что стачки 1896-97 гг. въ значительной степени улучшили положеніе рабочихъ на фабрикахъ и въ мастерскихъ, гдѣ произошли эти стачки. Благодаря этимъ стачкамъ, изданъ законъ 2-го іюня, сократившій рабочій день на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ до 11 $\frac{1}{4}$ час. Министръ не согласенъ съ тѣмъ, что это улучшеніе положенія рабочихъ достигнуто исключительно самими рабочими, ихъ борьбою за свои интересы. Но онъ признаетъ, что фабриканты дѣлали "уступки" рабочимъ, — уступки же дѣлаются только требованіемъ, и то лишь въ томъ случаѣ, если за требованіями стоитъ сила. Значить, самъ министръ признаетъ, что борьба рабочихъ за улучшеніе своей участіи принесла имъ пользу. Ну, а правительственные мѣры къ улучшенію быта рабочихъ? Развѣ онѣ не являются уступкою силѣ рабочихъ?

По закону (статья 1358 Улож. о наказ.), стачка наказуется тюремнымъ заключеніемъ отъ двухъ до четырехъ мѣсяцевъ. Въ нынѣшнемъ циркуляре министръ предписываетъ иногороднихъ рабочихъ, вступившихъ въ стачку, высылать по этапу на мѣсто родины. Отчего же, вмѣсто того, чтобы посадить рабочихъ въ тюрьму, ихъ высылаютъ на мѣсто родины? Просто потому, что не хватить въ Россіи тюремъ, чтобы посадить всѣхъ стачечниковъ на 2-4 мѣсяца въ тюрьму; и содержаніе всѣхъ стачечниковъ въ тюрьмѣ втеченіе 2-4 мѣсяцевъ обошлось бы слишкомъ дорого. Можно было стачечниковъ сажать въ тюрьму, когда стачки были рѣдкимъ явленіемъ.

Теперь они стали зауряднымъ явлениемъ, и правительство не имѣетъ силы примѣнять законъ во всей его строгости.

Въ этомъ же циркулярѣ министръ предлагаетъ губернаторамъ предписать полицію вмѣшиваться въ пользу рабочихъ, когда фабрикантъ, директоръ или мастеръ притѣсняетъ рабочихъ или несправедливо обращается съ ними. Но вмѣшиваться она должна только въ томъ случаѣ, если среди рабочихъ выходятъ волненія. Значить, лишь въ пользу тѣхъ рабочихъ вмѣшается полиція, которые готовы вступить въ борьбу за свои права. Если же борьба уже началась, то полиція обязана вмѣшаться и попытаться привести хозяевъ и рабочихъ къ мирному соглашенію. Конечно, это мирное соглашеніе возможно лишь тогда, когда фабрикантъ сдѣлаетъ нѣкоторыя уступки въ пользу рабочихъ. Опять нужна стачка, борьба рабочихъ за свои интересы, чтобы въ ихъ пользу вмѣшалась полиція. Раньше мы не слыхали о томъ, чтобы полиція должна была, въ случаѣ волненій рабочихъ и стачки, вмѣшиваться въ пользу рабочихъ. Мы знаемъ обратное. Но когда стачечное движение захватило всѣхъ рабочихъ, весь рабочій классъ, полиція не можетъ уже ничего подѣлать. Тогда правительству остается одно, — пойти на уступки и измѣнить законы въ пользу рабочихъ. Если правительство измѣняетъ законы въ пользу рабочихъ или принимаетъ въ ихъ пользу какія-либо мѣры, то только потому, что на сторонѣ рабочихъ сила.

Въ своемъ циркуляре министръ внутреннихъ дѣлъ откровенно признаетъ рабочее движение въ Россіи **весьма опаснымъ** для государственного порядка и общественного спокойствія. Дѣйствительно, для нынѣшняго правительства и нынѣшняго общественного порядка рабочее движение весьма опасно. Рабочие лишены свободы слова и печати, свободы собраній, права устраивать общества и союзы для защиты своихъ интересовъ. Они лишены права участвовать въ изданіи законовъ, которымъ они же должны будутъ подчиняться; они лишены права наблюдать за тѣмъ, чтобы законы примѣнялись въ жизни, а не отмѣнялись отдѣльными циркулярами и не нарушались на каждомъ шагу правительственными чиновниками и полиціей. Да, для такого общественного порядка рабочее движение очень опасно. При существующихъ законахъ, при существующемъ правительстве у рабочихъ нѣтъ права защищать свои интересы; заявленіе самаго справедливаго требованія рабочихъ считается преступленіемъ. Если рабочіе хотятъ улучшить свое материальное положеніе, они должны добиться свободы слова и печати, свободы собраній, права устраивать общества и кассы, всеобщаго избирательного права въ издающе законы Собраніе. Словомъ, имъ нужны всѣ тѣ политическія права, которыми пользуются рабочіе въ Англіи, Бельгіи, Германіи и другихъ странахъ, права, необходимыя рабочимъ для улучшенія своего положенія.

Этихъ правъ нѣтъ у русскихъ рабочихъ. Если, въ случаѣ стачки, попытки полиціи примирить хозяевъ съ рабочими не приведутъ ни къ чему, — иногороднихъ рабочихъ ждетъ высылка на мѣсто ро-

динъ, наиболѣе дѣятельныхъ — арестъ и высылка въ болѣе или менѣе отдаленный мѣста. Нынѣшній циркуляръ министра ставить рабочихъ, наиболѣе преданныхъ рабочему дѣлу, **внѣ закона**. По русскимъ законамъ рабочаго, виноваго въ нарушеніи закона о сковорѣ и стачкахъ, нельзя держать въ тюрьмѣ во время слѣдствія, а тѣмъ болѣе по окончаніи слѣдствія: теперь министръ приказываетъ поступать со стачечниками **противозаконно** и содержать ихъ въ тюрьмѣ и во время слѣдствія, и послѣ слѣдствія — передъ судомъ. Точно также, по закону можно судить рабочаго только тогда, когда доказано, что онъ нарушилъ законъ. Теперь рабочихъ можно наказывать также и тогда, когда вина ихъ не доказана: министръ такъ прямо и говоритъ, что рабочіе должны быть наказуемы и тогда, когда отсутствуютъ всѣ признаки преступленія, предусмотрѣнныя закономъ. Такимъ образомъ, министръ ви. дѣлъ приказываетъ **судить рабочихъ не по закону**. Во истину Шемякинъ судъ!

Рабочихъ часто упрекаютъ въ томъ, что они поступаютъ противозаконно. Но развѣ они могутъ уважать наши законы, — когда сами министры, раньше министръ финансовъ, теперь министръ ви. дѣлъ, тоже поступаютъ противозаконно и другимъ приказываютъ нарушать законы?

Исполнителями этого прогивозаконнаго циркуляра будуть: полиція, жандармы, губернаторы, прокуроры, начальники казенныхъ заводовъ и желѣзодорожныхъ мастерскихъ, горные и фабричные инспекторы. Всѣ эти чиновники должны помогать другъ другу въ преслѣдованіи рабочихъ, понявшихъ свои интересы и вступившихъ въ борьбу за свои права. Спасибо министру за откровенность: теперь рабочіе будутъ знать, кто ихъ враги. Въ числѣ этихъ враговъ находятся также фабричные инспекторы. По закону, они должны защищать интересы рабочихъ. Но министръ финансовъ приказалъ имъ нести полицейскую службу. Согласно циркуляру^{*)} отъ 23-го іюня 1896 г., фабричные инспекторы должны доносить мѣстной полиції о всякомъ **явлениі**, указывающемъ на преступную пропаганду среди рабочихъ, какъ и вообще о стачкахъ на фабрикахъ и заводахъ. Извѣстно, зачѣмъ нужны эти свѣдѣнія полиціи: чтобы начать преслѣдовать рабочихъ.

ПО РОССИИ

С.-Петербургъ. — Въ началѣ декабря прошлаго года „Торгово-Промышленная Газета“, издаваемая министерствомъ финансовъ, выказала свое мнѣніе о значеніи для рабочихъ союзовъ и кассъ. Въ Англіи хлопчатобумажные фабриканты затѣяли понизить заработокъ рабочихъ на 5 коп. съ рубля. Рабочіе такъ энергично стали готов-

^{*)} См. Листокъ „Работника“ № 3-4.

виться къ борьбѣ за свои интересы, что фабриканты принуждены были отказаться отъ своей затѣи. По словамъ „Торгово-Промышленной газеты“ другого исхода ожидать было невозможно, — во-первыхъ, вслѣдствіе „противодѣйствія, которое оказали этому пониженію различныя общества рабочихъ“, и во-вторыхъ, благодаря условіямъ рынка. Такимъ образомъ, русскій министръ финансовъ признаетъ, что союзы и общества англійскихъ рабочихъ оказываютъ имъ существенную помощь въ борьбѣ съ хозяевами-эксплуататорами. Ну, а для русскихъ рабочихъ, — какъ думаетъ г. министръ, было бы для нихъ полезно устройство рабочихъ союзовъ и кассъ борьбы?

Послужной списокъ Начальника С.-Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія, полковника Владимира Пирамидова. — Свою службу по охранѣ царскаго самовластія и господства капиталистовъ Вл. Пирамидовъ началъ въ Москвѣ въ чинѣ ротмистра, кажется, при московскомъ жандармскомъ управлѣніи. Въ 1887 г. въ томъ же чинѣ онъ былъ переведенъ въ Одессу. Здѣсь онъ вскорѣ выдвинулся въ глазахъ правительства, какъ ловкій сыщикъ и искусный слѣдователь. За политическія дѣла Кобермана и Гольдендаха (89-91 гг.), Морозова (92 г.), Циперовича, Нахамкиса и другихъ (94 г.) его произвели въ чинъ подполковника и назначили начальникомъ одесского жандармскаго управлѣнія (93 г.). Большое дѣло одесскихъ артельныхъ рабочихъ (95 г.) и рабочее дѣло Койгена, Кульчицкаго и др. (96 г.) настолько прославили его, что правительство рѣшило, что только онъ, Влад. Пирамидовъ можетъ задушить могучее революціонное длиженіе среди рабочихъ въ Петербургѣ. Съ января 97 г. Пирамидовъ назначенъ начальникомъ петерб. охраннаго отдѣленія. Ему поручено дѣло борьбы за охрану политического господства хозяевъ-эксплуататоровъ, защищаемыхъ царскимъ самодержавнымъ правительствомъ. Ему поручено, слѣдовательно, дѣло борьбы противъ петербургскихъ рабочихъ. Въ виду этого мы находимъ нелишнимъ познакомить петербургскихъ товарищѣй съ новымъ жандармомъ и разсказать имъ, какія средства онъ употреблялъ для борьбы съ одесскими рабочими.

Пирамидовъ не могъ, конечно, нанести болѣе или менѣе тяжелаго удара рабочему движенію въ Одессѣ, и наши одесские товарищи могутъ съ гордостью сказать, что рабочее дѣло у нихъ развивается довольно широко и прочно. Пирамидовъ, окруженный шайками жандармовъ, нападалъ на нашихъ одесскихъ товарищѣй преимущественно въ ночное время. Нападалъ на нихъ и тогда, когда они мирно читали „запрещенные“ (цензурой) книги и газеты, и когда они обсуждали на собраніяхъ кровные вопросы рабочаго люда. Прежде, чѣмъ полетѣть съ обыскомъ, Пирамидовъ высѣживалъ черезъ шпіоновъ, кто съ кѣмъ знакомъ, кто болѣе другихъ образованъ, кто пользуется вліяніемъ и у кого хранятся книжки. Словомъ, Пирамидовъ дѣлалъ все, что дѣлаетъ любой жандармъ русской земли. Черезъ своихъ шпіоновъ Пирамидовъ обыкновенно ни-

чего не узнавалъ, т. к. рабочіе, при извѣстной степени осторожности и наблюдательности, легко укрывались отъ шпіоновъ. Обыкновенно Пирамидовъ арестовывалъ сразу массу людей; заключалъ въ тюрьму цѣлья семьи, въ надеждѣ, что дѣти, изъ жалости къ отцу или матери, выдадутъ себя и своихъ товарищѣй. Съ этой цѣлью онъ арестовывалъ старииковъ (напр., 64-лѣтнаго рабочаго Письменова; арестовалъ мать Корнблюма съ четыремя дѣтьми); онъ прибѣгалъ къ аресту малолѣтнихъ, какъ къ вѣрному средству разыскать корни и пити (напр., онъ арестовалъ 14-лѣтнюю дѣвочку Дору Штейнраухъ и продержалъ ее въ тюрьмѣ болѣе мѣсяца; 12-лѣтній Корнблюмъ до сихъ поръ сидитъ въ тюрьмѣ). На допросахъ, въ присутствіи товарища прокурора, Пирамидовъ прежде всего старался подорвать у обвиняемаго вѣру въ товарищей, должно увѣряя, что они выдаютъ его, выгораживая себя. Съ этой же цѣлью онъ заводилъ съ прокуроромъ „секретный разговоръ“ (такъ, чтобы допрашиваемый ясно слышалъ его) о томъ, что такой-то сознался на допросахъ и выдалъ своихъ товарищѣй; случалось, что арестованнымъ писались подложные записки, идущія якобы отъ товарищѣй, помошью которыхъ старались сбить съ толку обвиняемыхъ; напр., недавно жандармамъ удалось обмануть многихъ рабочихъ, извѣстивъ ихъ, что одинъ изъ товарищѣй будто бы бѣжалъ за-границу: обманутые, въ своихъ показаніяхъ, валили все на этого товарища, который въ дѣйствительности доселѣ сидѣлъ въ тюрьмѣ. — Если такой пріемъ не удавался, Пирамидовъ начиналъ клеветать товарищамъ-интеллигентамъ на товарищей-рабочихъ, что рабочіе-де „дрянь, пьяница, пропиваются даже нелегальщину, которую вы имъ даете; вы полагаете за нихъ душу, а они ни за грошъ васъ предаютъ“; при этомъ нагло лгалъ, рассказывая, что какъ теперь, такъ и въ прежніхъ дѣлахъ стоило продержать рабочаго въ тюрьмѣ, и онъ валился въ ноги и умолялъ „простите, ваше высокоблагородіе, я все расскажу“. И въ то же время клеветалъ рабочимъ на интеллигентовъ, что послѣдніе-де обманываютъ рабочихъ, стремятся къ какимъ-то собственнымъ свое-корыстнымъ цѣлямъ.

Кромѣ того, онъ пѣсколько разъ, въ болѣе или менѣе прикрытої формѣ, предлагалъ арестованнымъ сдѣлаться его шпіонами (за такія подлые предложения его неоднократно собирались побить).

Если всѣ эти хитрости и подвохи не удавались, Пирамидовъ начиналъ запугивать обвиняемыхъ тяжелыми наказаніями, которыя будто бы ожидають ихъ; грозилъ каторгой, Шлиссельбургомъ, каменнымъ мѣшкомъ, висѣлицей и розгами.

Когда не удавалось вынудить у обвиняемаго признания, Пирамидовъ дѣлалъ грубъ, нахально кричалъ, топалъ ногами, ругался площадной бранью, выгонялъ съ допроса съ крикомъ: „ступай къ чорту, сиди!“

Чтобы измучить арестованнаго, заключеннаго въ одиночку, Пирмѣсяцевъ по пяти не разрѣшалъ прогулокъ на чистомъ воздухѣ, заколачивалъ на глухо окопнныя форточки, не разрѣшалъ свиданій съ

родными, не разрешалъ чтенія своихъ книгъ (давалъ только молитвенникъ и житія святыхъ), не давалъ письменныхъ принадлежностей, позволялъ писать не чаще, какъ въ двѣ недѣли разъ и не болѣе четверти листа (письмо на поль-листа онъ не пропускалъ, какъ слишкомъ длинное). Тюремной стражѣ приказывалъ отбирать табакъ, столъ и т. п. Жалобы на грубое обращеніе тюремнаго начальства оставлялъ безъ отвѣта; напр., одного рабочаго, Карташова, при жандармѣ Лыловѣ и четырехъ полицейскихъ, помощникъ тюремнаго начальника ударили по шеѣ. Жалоба по обыкновенію ни къ чему не привела.

Если Пирамидовъ замѣчалъ, что обвиняемый — человѣкъ самолюбивый, горячий и не особенно разу ный, то начинай передъ нимъ расхваливать революціонное движение, восхищался умѣлостью и опытностью вождей, сулилъ скорую побѣду и, втянувъ такимъ способомъ собесѣдника въ разговоръ, вывѣдывалъ объ его собственной дѣятельности и узнавалъ фамиліи товарищей.

Кто не поддавался на эту глупую удочку, тѣхъ онъ старался разсердить, обвиняя въ трусости. „Трусь вы! только на свободѣ и умѣете болтать языкомъ да подстрекать другихъ, а какъ попали въ тюрьму, таъ сразу и струсите, отъ всего отказываетесь. Только и словъ у васъ на языке — не знаю, не видалъ, не бываль“. За это одинъ изъ арестованныхъ назвалъ его шантажистомъ, прохвостомъ и мерзавцемъ.

Пирамидовъ, кроме того, старался дѣйствовать на арестованныхъ черезъ ихъ родителей и женъ, убѣждая писать дѣтямъ и мужьямъ о необходимости чистосердечнаго раскаянія и выдачи товарищей.

При допросахъ Пирамидовъ (и его ученикъ Бергъ) обыкновенно не давали грамотнымъ рабочимъ самимъ записывать свои показанія и заносили въ протоколъ все, что имъ вздумается; подписывать протоколы давали часто спустя недѣли двѣ и даже четыре послѣ допроса. Въ тѣхъ случаяхъ, когда писалъ протоколъ самъ арестованный, жандармскій офицеръ и товарищъ прокурора старались диктовать не то, что говорилъ арестованный.

Наконецъ, слѣдуетъ отмѣтить еще слѣдующій приемъ Пирамидова. Онъ освобождалъ иногда изъ тюремы арестованныхъ съ цѣлью выслѣдить знакомства и связи ихъ съ другими. Такъ, онъ временно выпустилъ изъ тюремы Аниканова и Коншина; съ этой же цѣлью онъ задержалъ въ Одессѣ двухъ рабочихъ, противъ ихъ желанія и вопреки приговору, по которому они оба подлежали высылкѣ изъ Одессы на родину.

Въ извѣстныхъ случаяхъ Пирамидовъ умѣлъ прикидываться „добрячкомъ“; онъ ласково и вѣжливо предлагалъ арестованному чай и папиросы (при этомъ предупредительно успокаивалъ: „не бойтесь, я не подмѣшигаю дурмана“). Любилъ поболтать языкомъ. Начиналъ, напр., бесѣду о томъ, что онъ тоже рабочій человѣкъ: „у васъ мозоли отъ топора, а у меня отъ пера, — оба мы люди рабочіе. Я тоже бываю занятъ по 8-10 ч. въ день“. Однажды, бесѣдуя такимъ

манеромъ съ рабочимъ, Пир. сказалъ: „я найду себѣ мѣсто и въ республикѣ“. Рабочій выразилъ сомнѣніе по этому поводу: „когда у насъ будешь республика, вы не будете служить“. — „Гдѣ же я тогда буду?“ — „Будете висѣть гдѣ-нибудь на воротахъ“, отвѣтилъ ему рабочій.

Но пока-что Пирамидовъ, въ качествѣ опыта слѣдователя и ловкаго сыщика призванъ спасать эксплуататоровъ и ихъ царя отъ грозной растущей силы организованныхъ петербургскихъ рабочихъ. Человѣкъ этотъ маленькаго роста, со злой, выхоленій физіономіей съ рыжими бакенбардами, рѣденькими прилизанными волосами на головѣ; глаза у него всегда, даже когда онъ притворяется честнымъ, воровски „швытко“ (быстро) шмыгаютъ по сторонамъ.

P. S. Изъ достовѣрныхъ источниковъ знаемъ, что Пирамидовъ намѣренъ производить массовые погромы, захватывая разомъ не только подозрѣваемыхъ въ революціонной дѣятельности, но и всѣхъ знакомыхъ съ такими лицами.

Москва. — Въ декабрѣ мѣсяцѣ въ московской судебнѣй палатѣ разбиралось дѣло о фабричныхъ беспорядкахъ на фабрикѣ Коншина, въ Серпуховѣ. Дѣло это состоится въ слѣдующемъ.

Съ начала января 1897 г. на фабрикѣ Коншина замѣчалось броженіе среди рабочихъ. 14-го января оно выразилось въ томъ, что послѣ утренней смены около ста человѣкъ рабочихъ прекратили работу и предъявили директору фабрики свои требованія. Они предъявили также свои требованія фабричному инспектору. Вотъ главныя изъ этихъ требованій: 1) прекращеніе работъ передъ воскресными и праздничными днями въ 6 час., а не въ 10; 2) выдавать плату за прогулъ, происходящій вслѣдствіе нехватки основъ и утка; 3) уравненіе заработка всѣхъ рабочихъ, такъ какъ теперь ткачъ, работающій надъ плохимъ материаломъ, зарабатываетъ гораздо менѣе ткача, работающаго надъ хорошимъ материаломъ; 4) повышеніе расценки на 10 к. съ куска; 5) уволить нѣкоторыхъ мастеровъ, бравшихъ взятки, и нѣкоторыхъ служащихъ въ конторѣ, позволявшихъ себѣ бить рабочихъ; 6) улучшить провизію въ харчевой лавкѣ, такъ какъ въ ней продавалась гнилая мука и тухлое мясо. Были также жалобы на вычеты изъ заработка за проны основъ и на скверное санитар-

ное состояніе спальныхъ казармъ. Серпуховская земская управа осмотрѣла эти казармы и признала ихъ „безусловно неудовлетворительными“. Изъ этого перечня видно, что у рабочихъ было много причинъ быть недовольными своимъ положеніемъ. Масла въ огонь подлила полиція, арестовавшая шесть человѣкъ рабочихъ.

Въ два часа ночи на 15-е января начались буйства. Требуя освобожденія товарищѣй, толпа разгромила квартиру директора, харчевую лавку, побила во всѣхъ зданіяхъ окна, потомъ уже днемъ разгромила нѣсколько кабаковъ около фабрики. Другіе кабатчики откупились отъ толпы, — кто водкой, кто деньгами. Потомъ толпа напала на фабрику бр. Коштановыхъ, съ цѣлью остановить работы. Здѣсь произошла безобразная драка между коншинскими и коштановскими рабочими; послѣдніе побѣдили, и коншины принуждены были отступить. Ночью прибыли казаки изъ Москвы. Началась дикая расправа съ рабочими, многимъ отрубили уши, поломали руки и ноги. Били дѣтей и женщинъ; въ спальныхъ насиловали дѣвушекъ и молодыхъ женщинъ.

Поведеніе казаковъ говорить само за себя. Намъ нечего къ нему прибавлять. Это скорѣе какіе-то звѣри, а не люди. Вѣрные слуги нашего правительства, „отечески“ заботящагося о рабочихъ, они бьютъ всѣхъ, кто имъ попадется подъ руку, калѣчатъ и уродуютъ, насилюютъ. И все это происходитъ по проказанію начальства. Генералы и офицеры, присутствовавшіе при этихъ звѣрствахъ, не останавливали казаковъ, а подстрекали. Мы не можемъ также одобрить поведенія рабочихъ. Разгромъ квартиръ и лавокъ, разгромъ кабаковъ и принятие подачекъ отъ трактирщиковъ, наконецъ, драка со своими братьями, рабочими съ другой фабрики — такъ могутъ себя вести только темные люди.

Но кто же виноватъ въ ихъ темнотѣ? Опять-таки правительство, всѣми средствами мѣшающее распространенію образованія среди рабочихъ и силой загораживающее свѣту знанія доступъ въ ихъ головы.

Одесса, конецъ октября. — Рабочее движеніе въ Одессѣ очень слабо. Если гдѣ и замѣчается иногда броженіе, то большою частью на самыхъ крупныхъ заводахъ, съ постояннымъ и однороднымъ контингентомъ рабочихъ, гдѣ почти нѣтъ различія въроисповѣданій и національности, тормозящаго очень сильно сильно объединенія рабочихъ въ Одессѣ.

Постоянное броженіе замѣтно въ желѣзнодорожныхъ мастерскихъ, но и тамъ оно ограничивается нѣсколькими небольшими, необъединенными кружками. Волненія, происходившія на другихъ фабрикахъ и заводахъ, привели къ нѣкоторымъ улучшеніямъ. Но всѣ эти волненія, какъ никакъ не руководимыя и заранѣе не подготовленныя, не оказали почти никакого вліянія на умственное и политическое развитіе рабочихъ. Вообще у насъ сильно ощущается недостатокъ въ развитыхъ рабочихъ. А это зависитъ отъ недостатка сплоченного ядра интеллигенціи, которая посвящала бы свои силы пропагандѣ среди рабочихъ, образованію кружковъ въ ихъ средѣ и распространенію листковъ на фабрикахъ и заводахъ. Имѣющаяся у насъ горсть интеллигенціи работаетъ у насъ какъ-то разрозненно. Работа въ одиночку, путемъ устной пропаганды, какъ она ведется въ настоящее время, даетъ въ результатѣ очень мало. Существующій же небольшой кружокъ рабочихъ также вяло дѣйствуетъ. Пока онъ ограничивается распространеніемъ книжекъ по всѣмъ фабрикамъ и заводамъ, гдѣ кружокъ имѣетъ своихъ членовъ, но въ литературѣ ощущается громаднѣйшій недостатокъ, и дѣятельность кружка по неволѣ парализуется.

Минскъ, августъ. — На третій день Пасхи произошло здѣсь между солдатами и евреями столкновеніе, имѣвшее печальная послѣдствія для послѣднихъ. Солдаты, съ самаго утра толпившіеся на базарной площади, начали подсѣживаться надъ евреями, а одинъ даже стащилъ съ лотка у еврейки яблоко или булку; увидѣвъ это, евреи стали отнимать у него скраденное. Солдатъ

сталъ драться, скоро къ нему присоединилось еще нѣсколько солдатъ, а затѣмъ и патрули, проходившіе мимо, пустили въ ходъ свое оружіе. На базарѣ поднялся страшный шумъ. Евреи съ крикомъ: „Погромъ!“ спѣшили закрывать свои лавки. Скоро, однако, все стихло, подоспѣвшая полиція розыла драку и отвела виновниковъ ея въ участокъ. Евреи опять пооткрывали свои лавки, и базаръ снова принялъ обычный видъ. Но это продолжалось недолго. Вскорѣ нагрянула на базаръ толпа солдатъ подъ предводительствомъ офицера Галашенко, по приказанію котораго: „Бить жидовъ!“ солдаты обнажили шашки и бросились съ осторвененіемъ на евреевъ, рубя направо и налево; пощады не давали никому, кромѣ, разумѣется, христіанъ. Били всѣхъ, подвернувшихся подъ руку: одному еврею отсѣкли часть уха, другого прокололи штыкомъ. Къ солдатамъ присоединились и любители изъ обывателей-христіанъ; одинъ изъ нихъ разбилъ въ кровь голову бывшему студенту-еврею. На базарѣ стоялъ невообразимый шумъ, слышались стоны. Съ базара, по приказанію своего доблестнаго вождя, православное воинство бросилось въ прилегающія къ базару улицы, рубя по прежнему направо и налево, разбивая стекла въ окнахъ, кидая камнями въ стоящихъ на балконахъ евреевъ. Къ довершенію своихъ подвиговъ, Галашенко приказалъ разгромить кабакъ одного еврея.

И вотъ за всѣ эти безобразія были забраны и заключены въ тюрьму не виновники ихъ, а жертвы, — евреи, чѣмъ-нибудь и какъ-нибудь протестовавшіе противъ нихъ. Противъ нихъ возбуждено было обвиненіе въ нападеніи на военные патрули. Зачинщикомъ бунта выставленъ нѣкто К., вся впна котораго только въ томъ и состояла, что онъ осмѣлился замѣтить Галашенко, что онъ не имѣетъ права возбуждать христіанъ противъ евреевъ. Спустя нѣкоторое время, къ отвѣтственности въ участіи въ „бунтѣ“ привлечено было еще нѣсколько человѣкъ, изъ которыхъ нѣкоторые даже въ глаза не видали драки. Арестъ ихъ былъ произведенъ

по указанію одного христіанскаго партія, грозившаго доносомъ каждому еврею, не имѣвшему возможности или не желавшему откупиться отъ него деньгами.

Воронежъ. — Въ ночь съ 8-го на 9-е декабря арестовано около 30 чел. Среди нихъ — много революціонныхъ дѣятелей прежней эпохи, недавно вернувшихся изъ долголѣтней ссылки въ Сибири. По всѣмъ свѣдѣніямъ, это дѣло дутое, сочиненное вновь прибывшимъ жандармскимъ полковникомъ. Въ городѣ положительно утверждаютъ, что прокуратура обжаловала дѣйствія жандармской полиціи высшей инстанціи, такъ какъ противъ арестованныхъ не находится мотива для обвиненія и преслѣдованія. Между прочими арестованъ монахъ(?!). Всѣ содержатся въ городской тюрьмѣ въ одиночномъ заключеніи. Обращаются плохо. Не даютъ табаку, папиросъ, книгъ, почтовой бумаги, не передаютъ писемъ и пр.

ПІСЬМО КО ВСѢМЪ КІЕВСКИМЪ РАБОЧИМЪ.

Товарищи! Всякому сознательному рабочему известно, что между правительствомъ и капиталистами существуетъ тѣсный дружескій союзъ. Правительство старается угодить капиталистамъ, чѣмъ только можетъ. Захочется капиталистамъ повысить цѣны на свои товары, правительство спѣшить запретить ввозъ заграничныхъ болѣе дешевыхъ продуктовъ. Капиталистамъ нужна болѣе дешевая перевозка груза — правительство строить желѣзныя дороги. На капиталистовъ наводятъ страхъ рабочіе союзы и стачки, — правительство сажаетъ въ тюрьмы, гонитъ въ Сибирь и высылаетъ изъ большихъ городовъ тѣхъ рабочихъ, которые твердо стоятъ за себя противъ хозяйственныхъ обидъ и притѣснений. Капиталистамъ выгодно, чтобы рабочіе были забиты, невѣжественны, безсознательны, — и правительство запрещаетъ печатать книги о рабочемъ дѣлѣ и преслѣдуjeтъ тѣхъ рабочихъ, которые учатъ товарищей бороться за свои права. Чтобы поддержать добрыя отношения съ фабрикантами, правительство не останав-

ливается ни передъ чѣмъ, не пренебрегаетъ самыми безчеловѣчными мѣрами противъ рабочихъ, не боится даже проливать въ угоду ненасытнымъ фабрикантамъ рабочую кровь.

По всей вѣроятности, каждый рабочій слыхалъ о томъ, какъ, по приказанію правительства, войска убивали рабочихъ въ Жирардовѣ, Лодзї и Ярославлѣ. Недавно *Варшавскій Дневникъ*, газета варшавскаго генераль-губернатора, напечатала сообщеніе о новомъ походѣ царскихъ войскъ противъ рабочихъ въ мѣстечкѣ Домброво Петроковской губ. Въ сообщеніи этомъ, какъ и во всѣхъ правительственныхъ сообщеніяхъ подобнаго рода, очень много лжи и очень мало истины. На самомъ же дѣлѣ событія въ Домброво были таковы.

При домбровскомъ заводѣ „Гута Банкова“ существовала касса взаимопомощи, устроенная на средства рабочихъ. Деньги изъ кассы должны были выдаваться больнымъ, увѣчнымъ и лишеннымъ заработка рабочимъ. Рабочіе однако получали изъ своей кассы очень мало. Зато директоръ завода, Гартингъ, таскалъ изъ нея деньги, не стѣсняясь, на свои собственные и заводскія нужды. Контроль надъ кассой должны были, по установленнымъ правиламъ, вести рабочіе, но Гартингъ не допускалъ ихъ до кассовыхъ дѣлъ. Рабочихъ это возмутило, они потребовали возвращенія украденныхъ денегъ и уничтоженія кассы или, по крайней мѣрѣ, преобразованій въ кассовыхъ порядкахъ. Это требованіе было заявлено директору Гартингу и представителю правительства — начальнику земской стражи Ромишевскому. Ромишевскій обѣщалъ дать отвѣтъ черезъ двѣ недѣли. При такомъ явномъ и нагломъ грабежѣ правительству, кажется, оставалось лишь стать на сторону рабочихъ и привлечь Гартинга къ отвѣтственности. Между тѣмъ правительство отвѣтило на справедливые требованія рабочихъ тюрьмой и ружейными выстрѣлами. На исходѣ второй недѣли послѣ разговора рабочихъ съ Гартингомъ и Ромишевскимъ, жандармы арестовали восемь рабочихъ, думая этимъ запугать остальныхъ и

заставить ихъ отказаться отъ прежнихъ требованій. Но рабочіе устроили стачку. Всѣ работавшіе на заводѣ — 4000 человѣкъ, бросили работу и заявили, что возвратятся на работу лишь тогда, когда будутъ освобождены ихъ арестованные товарищи и когда будутъ удовлетворены требованія относительно кассы.

Это было 16-го сентября. Въ теченіи нѣсколькихъ дней въ Домброво стеклись казаки и стрѣлки. Съ ними прибыли начальникъ уѣзда, вице-губернаторъ и помощникъ варшавскаго генераль-губернатора. Рабочіе держали себя совершенно спокойно. 18-го сентября ихъ потребовали къ заводу, у котораго выстроились войска, и объявили, что контора завода увольняетъ рабочихъ за самовольное прекращеніе работы. Всѣдѣ за этимъ стали требовать, чтобы рабочіе разошлись. Толпа стала разсѣиваться. Кромѣ рабочихъ на улицѣ передъ заводомъ стояли женщины и дѣти: было очень тѣсно, и толпа не могла скоро подвигаться. Вдругъ прозвучала команда, и грянулъ холостой залпъ. Опять команда, и опять зловѣштій залпъ. Изъ толпы вырвались вопль, крикъ и стоны. На землѣ лежали восемь окровавленныхъ тѣлъ. Троє изъ раненыхъ умерли.

Въ тотъ же день было арестовано около 50 рабочихъ. Въ Домброво прибылъ прокуроръ разыскивать „зачинщиковъ бунта“. Піотроковскій губернаторъ издалъ распоряженіе выслатъ рабочихъ, если они не примутся вновь за работу: иностранныхъ подданныхъ — заграницу, а русскихъ — на родину. Рабочіе прекратили стачку. Принимая ихъ вновь, контора завода заявила, что рабочіе теряютъ всѣ права на кассу взаимопомощи. Касса остается въ распоряженіи фабричного начальства.

Таково правосудіе правительства. Пусть фабриканты крадутъ, грабятъ, — оно на это смотритъ сквозь пальцы. Мало того. Оно пришлетъ имъ на помощь войско, если рабочіе потребуютъ назадъ то, что у нихъ похищено. И пусть рабочіе не думаютъ, что оно когда-нибудь станетъ на ихъ сторону. Дѣло фабрикантовъ — красть и богатѣть, а дѣло рабочихъ — повиноваться и мол-

чать. Правительство дѣлаетъ рабочимъ большое одолженіе уже тѣмъ, что позволяетъ имъ спокойно трудиться на своихъ благодѣтелей и свободно наслаждаться тѣми ничтожными крохами, которыхъ имъ бросаютъ. А если рабочимъ такие порядки не нравятся, то правительство найдетъ средство научить ихъ благоразумію. Оно выхватитъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и броситъ въ тюрьму. Если же это не примирить рабочихъ съ судьбой, то благодать истины и справедливости прольется въ упорныя рабочія головы изъ ружейныхъ дуль и пушечныхъ жерлъ. Кровью рабочихъ правительство думаетъ залить огонь негодованія, громомъ пальбы оно надѣется заглушить призывъ къ борьбѣ противъ гнета и насилий. Но рабочіе умѣютъ жертвовать своею жизнью не только тогда, когда имъ нужно раздѣляться съ воромъ-директоромъ. У нихъ хватитъ мужества объявить войну на жизнь и смерть тѣмъ, кто всегда поддерживаетъ капиталистовъ въ ихъ беззаконіяхъ и грабежѣ, кто тюрьмой, пытками и пулами старается закрыть рабочимъ путь къ счастью и свободѣ. Когда въ Петербургѣ забастовало 35,000 рабочихъ, правительство было встревожено многочисленностью рабочей арміи и пыталось задобрить рабочихъ новымъ закономъ объ 11½-часовомъ рабочемъ днѣ. Когда въ борьбу съ эксплуатацией (обираніемъ) и притѣсненіями единодушно вступятъ сотни тысячъ и миллионы рабочихъ, живущихъ въ Россіи, тогда рѣшился участъ и самого правительства. Рабочіе сквозь лѣсь штыковъ и тысячи ружей проложатъ себѣ широкую дорогу къ такимъ порядкамъ, при которыхъ не будетъ ни обмана, ни грабежа, ни насилия. И грозное правительство, дрожащее уже и теперь передъ 35.000 рабочихъ, не спасется отъ строгаго суда трудащагося и обездоленнаго народа. Часть этого суда пробуетъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ лучше поймутъ рабочіе необходимость дружной борьбы противъ хозяевъ и правительства и чѣмъ усерднѣе правительство станетъ „усмирять“ рабочихъ. Пусть же скорѣе погибнетъ это правительство, запятнанное кровью и насилиемъ, пусть

скорѣе наступить освобожденіе отъ ига царскихъ чиновниковъ и разбоя доблестныхъ войскъ.

КІЕВСКІЙ РАБОЧІЙ КОМИТЕТЪ.

19-го декабря 1897 г.

Изд. Кіевскаго „Союза борьбы за освоб. раб. класса“.

Вѣлостокъ, ноябрь. — Здѣсь существуетъ табачная фабрика Яновскаго, на которой работаетъ 120 папироносницъ и столько же кардонщицъ. Положеніе работницъ скверное, и на фабрикѣ уже нѣсколько разъ происходили стачки. Послѣ Пасхи также была стачка. Она была проиграна работницами, потому что фабриканту удалось ихъ разъединить. Онъ обѣщалъ части работницъ лучшую работу и болѣе высокую заработную плату. Соблазненный личными выгодами, эти работницы пzmѣнили общему дѣлу, и взялись за работу. За ними вернулись и всѣ остальные. Въ началѣ октября хозяинъ заявилъ работницамъ, что онъ въ нихъ теперь не нуждается и велѣлъ прийти въ воскресенье. Работницы знали, что фабриканть нуждается въ ихъ работѣ и заподозрили, что странное поведеніе его объясняется желаніемъ понизить заработную плату. Поэтому было созвано собраніе для обсужденія, что дѣлать? До осени половина работницъ получала по 20 коп. за тысячу папироsъ, другая половина — только 14½ коп. Рѣшено было требовать отъ хозяина равныхъ для всѣхъ работницъ расцѣнокъ въ 20 коп. за тысячу. Когда въ воскресенье работницы пришли на работу и выставили это требование, то хозяинъ отказался его исполнить. Онъ отвѣтилъ, что не въ состояніи болѣе платить прежнюю цѣну: ему выгоднѣе закрыть фабрику, чѣмъ повысить заработную плату. Работницы отказались тогда приниматься за работу и разошлись по домамъ. Вечеромъ фабриканть попытался прибѣгнуть къ средству, уже удавшемуся разъ: онъ послалъ къ десяти работницамъ приказчика просить ихъ взяться за работу по 25 коп. съ тысячи.

Въ понедѣльникъ прїѣхалъ фабричный инспекторъ.

Работницы знали, что онъ всегда держитъ сторону фабриканта. Фабричный инспекторъ приказалъ работницамъ прийти на фабрику. Тѣ не пошли. Не пошли и во вторникъ. Тогда фабричный инспекторъ обратился къ полиціи, и управляющей фабрики вмѣстѣ съ полицейскимъ пошли искать работницъ, чтобы насильно ихъ привести. На улицѣ они встрѣтили восемь работницъ: тѣ отказались идти на фабрику и предложили фабричному инспектору прийти въ полицейское управление. Полицейской отвѣтъ этихъ работницъ въ полицію, хотя ничего противозаконного они не сдѣлали. Остальные работницы, узнавъ объ участіи своихъ товарокъ, также явились въ полицейское управление. Околодочный пошелъ звать инспектора, но тотъ обѣдалъ въ это время у Яновского (фабриканта), и обѣдъ у хозяина предпочелъ разговору съ работницами.

Пришлось отложить дѣло до четверга. Въ 11 час. утра работницы вновь собрались у полицейского управления. Къ нимъ прибѣжалъ бухгалтеръ съ табачной фабрики Яновского и уговаривалъ ихъ идти на фабрику, потому-де, что на фабрикѣ находится фабричный инспекторъ и жандармы, и работницы имѣютъ теперь дѣло уже не съ хозяиномъ, а съ правительствомъ. Работницы не пошли. Околодочный, въ свою очередь, приказалъ имъ идти на фабрику, угрожая, въ противномъ случаѣ, арестомъ. Работницы опять не пошли. Тогда околодочный вызвалъ по именамъ шесть работницъ и арестовалъ ихъ. Одна изъ оставшихся потребовала, чтобы ее также арестовали, разъ арестовали ея товарокъ; желаніе ея было исполнено, — такимъ образомъ, арестовано было семь работницъ. Остальные работницы начали шумѣть и ломиться въ полицейское управление. Полиція разогнала ихъ нагайками.

Увидя, что дѣло плохо и что настойчивость работницъ не сломилась, Яновский пошелъ на уступки. Онъ прислалъ сказать, что согласенъ на условия работницъ. Но работницы отказались идти на работу, пока не освободятъ ихъ арестованныхъ товарокъ. Весь четвергъ

и пятницу работницы оставались около полицейского управления. Въ городѣ эта стачка вызвала большое волненіе, и около работницъ образовалась густая толпа постороннихъ. Огласка такихъ дѣлъ, какъ нынѣшнее, не можетъ быть пріятно полиціи. Въ самомъ дѣлѣ: фабричный инспекторъ противозаконно не приложилъ никакихъ стараний, чтобы уладить разногласія между Яновскимъ и его работницами, и только обѣдалъ у Яновского. Полиція совершенно противозаконно арестовала семь работницъ. Разглашеніе этихъ противозаконныхъ поступковъ грозило непріятностями и фабричному инспектору, и полиціи. Поэтому полиціймейстеръ послалъ за Яновскимъ и предложилъ ему уладить дѣло съ работницами. Яновскій позвалъ работницъ къ себѣ. Тѣ пошли для переговоровъ. Онъ просилъ выбрать трехъ умнѣйшихъ, потомъ десять умнѣйшихъ. Работницы отказались выслать ему выборныхъ, потому что выборныхъ постоянно считаютъ зачинщиками и полиція прослѣдуетъ ихъ. Яновскому пришлось разговаривать со всеми работницами; переговоры не привели къ соглашенію. Это было въ субботу.

Въ воскресенье работницы опять собрались около полицейского управления, гдѣ сидѣли ихъ арестованные товарки. Для устрашенія работницъ, Яновскій привелъ къ нимъ жандармскаго офицера. Тотъ, какъ звѣрь, накинулся на работницъ и началъ кричать, что въ Россіи-де есть государь, есть законы и тюрьмы. И это не помогло, работницы не струсили. Тогда Яновскій пообѣщалъ похлопотать объ освобожденіи арестованныхъ, если только работницы станутъ на работу. Дѣвшушки порѣшили пачать работу и посмотрѣть, не выпустятъ ли арестованныхъ. Дѣйствительно, вскорѣ всѣ семь дѣвшекъ были выпущены на свободу: очевидно, хлопоты Яновского увѣнчались успѣхомъ, и онъ показалъ работницамъ, что по его желанію и арестуютъ, и выпускаютъ на свободу.

Вѣлостокъ, 20-го декабря. — Послѣ лѣта, проведеннаго въ цѣломъ рядѣ стачекъ, одна другой больше, на-

ступили, наконецъ, праздники, когда всѣ евреи должны себя чувствовать единой націей. Всѣ побросали работу, одѣлись въ лучшія платья, въ квартиркахъ чисто убрано, и кажется со стороны, что всѣ проникнуты одной идеей братства. Но если поближе всмотрѣться, тогда видно будетъ, что народъ раздѣленъ огромной пропастью на два враждующихъ лагеря. И именно въ праздники каждая сторона куетъ новое орудіе для борьбы. Такъ оно было и у насъ. Сейчасъ же послѣ праздниковъ мастера трехъ производствъ (портные, столяры и сапожники) объявили своимъ рабочимъ, что рабочій день будетъ продолжаться теперь отъ 7 ч. утра до 8 ч. веч., такъ какъ пятницы очень коротки (въ пятницу работаютъ только до 3-4 ч.), въ противномъ случаѣ, въ пятницу будутъ платить за половину дня. Точно также нѣкоторые фабриканты хотѣли опять сбавить плату. Но рабочіе не дремали, они готовились къ этому натиску со стороны мастеровъ и объявили всеобщую стачку. Простояли они двѣ недѣли и отстояли свой 10^½-часовый рабочій день.

И ткачи хотѣли поговорить о томъ, что дѣлать, и вотъ 9-го октября было назначено общее собраніе. Въ 2 часа дня началось движеніе на всѣхъ фабрикахъ; повсюду стояли кучки ткачей и шпулярокъ и говорили о собраніи. Въ 4 часа рабочіе потянулись массами, направляясь къ одному мѣсту. Когда собралась огромная толпа и рабочіе стали въ кругъ, выступилъ одинъ ткачъ и съ сильнымъ воодушевленіемъ началъ говорить о положеніи рабочихъ. Чувствовалось, что какая-то громадная сила охватываетъ эту толпу и сковываетъ ее въ одно цѣлое. Каждый чувствовалъ притокъ энергіи; казалось, что эта масса на все готова, ничто не устранитъ ее. Пусть явится врагъ, и вся эта масса нахлынетъ на него и оттолкнетъ его далеко отъ себя. Уже стемнѣло. Тѣни деревьевъ смѣшились съ людьми, уже не видно отдѣльныхъ лицъ, видна только напряженная масса, и голосъ оратора звучитъ неутомимо. Онъ говорилъ съ такимъ воодушевленіемъ, будто видѣлъ пе-

редъ собою врага, который хочетъ вырвать у него послѣднее.... Но вотъ что-то блеснуло между деревьями, показались мѣдные пуговицы, и полицейскій бросился въ толпу и хотѣлъ схватить оратора. Толпа сразу оторопѣла, но скоро оправилась и хотѣла отомстить полиціи. „Мы всѣ пойдемъ въ полицію, крикнула толпа, ни одинъ изъ настѣ не будетъ отдельно арестованъ“. Полицейскіе долго стояли, въ толпѣ шелъ говоръ, и, наконецъ, рѣшили идти всѣмъ. Выстроившись въ ряды, пошли по темному лѣсу по направленію къ городу. Сзади двое городовыхъ съ фонарями. Все имѣло таинственный видъ и напоминало древнихъ христіанъ въ Римѣ, захваченныхъ воинами. Къ концу лѣса многіе рабочіе стали расходиться; изъ толпы провожали ихъ насыщеными возгласами: „Герои! герои!“. Когда подошли къ городу, осталась толпа человѣкъ въ 600. Тутъ остановились. Полицейскіе пошли доложить полиціймейстеру. Толпа разбилась въ кучки и стала обсуждать, какія требованія предъявить. Скоро явился полицейскій и заявилъ, что полиціймейстеръ требуетъ, чтобы выбрали болѣе умныхъ и послали къ нему для объясненій. Вскорѣ явился и приставъ и говорить: „Вѣдь я уже разъ говорилъ вамъ, что нельзя собираться безъ разрѣшенія. Я понимаю, что вы хотите улучшить свое положеніе, но ведите же себя, какъ слѣдуетъ; такимъ путемъ вы иначе не достигнете. Выберите болѣе умныхъ рабочихъ, и тогда я переговорю съ ними“. „Всѣ, всѣ!“, отвѣтила толпа. „Ну, такъ идемте со мной въ полицію“. Толпа двинулась. Рабочіе напѣвали пѣсни. Когда проходили по главнымъ улицамъ, публика выходила изъ домовъ, многіе закрывали ставни. Проходя мимо фабрики Яновскаго, какая-то работница крикнула, что недурно бы его угостить. Въ тотъ же моментъ послышался звонъ стеколъ. Такъ-то мы дошли до полицейскаго двора, за нами закрыли ворота, и мы разсыпались по двору. Толковали о томъ, что здѣсь недурно устраивать собранія, въ другихъ мѣстахъ спрашивали, что-то за фокусы станетъ дѣлать полиціймей-

стеръ. Скоро явился приставъ и снова предложилъ выбрать делегатовъ. Когда же мы отказались, онъ велѣлъ всѣмъ записать на листѣ свои фамиліи и фамиліи фабрикантовъ, у котораго работаютъ. Когда записалось 15-20 чел., онъ велѣлъ всѣмъ уходить. Но толпа расхочатась и не двигалась съ мѣста. Въ это время раздался звонъ къ пожару, раскрылись ворота, и толпа принуждена была выйти на улицу. Это былъ маневръ со стороны пристава. На улицѣ порѣшили устроить еще одно собраніе. „Итакъ, отъ 8 до 8, какъ рѣшили!“ Многіе хотѣли разойтись по домамъ, но тутъ надумались промаршировать по городу. И пошла вся толпа по главнымъ улицамъ. Сначала тихо, тотомъ все громче и громче раздались звуки рабочей марсельезы. Такъ прошла цугомъ по многимъ фабричнымъ улицамъ, наконецъ, вышли на главную — Липовскую — улицу. Всѣ прохожіе останавливались и съ удивленіемъ смотрѣли на невиданное зрѣлище. Наконецъ, пришли на шулефъ, тутъ разсыпались въ кучки, и оживленная бесѣда затянулась за полночь.

Фабриканты, лонкетники и мастера рѣшили твердо взяться за искорененіе зла. Было устроено собраніе въ ремесленной управѣ, на которомъ составили списокъ бунтовщиковъ, и въ субботу 11-го октября началась недѣля арестовъ. Въ субботу было произведено восемь обысковъ у ткачей, и, хотя ничего не нашли, арестовали всѣхъ. Въ воскресенье выпустили пятерыхъ, трое остались въ арестѣ; ихъ перевели въ тюрьму. Одинъ старый рабочій заявилъ полиціїмайстеру: „Вы думаете добиться чего-нибудь арестами? Если хотите найти какое-нибудь рѣшеніе вопроса, то устройте третейскій судъ изъ нѣсколькихъ рабочихъ и фабрикантовъ; арестами же ничего не достигнете. Развѣ будете меня держать всю жизнь въ тюрьмѣ, а то какъ только выйду, я буду первымъ бунтовщикомъ.“

Вильно. — 19-го декабря на улицахъ Вильно были распространены въ количествѣ 800 экз. печатныя про-

кламаціи на еврейскомъ жаргонѣ. Отмѣтивъ вмѣшательство правительства въ борьбу рабочихъ съ хозяевами, — конечно, въ пользу хозяевъ, а не рабочимъ, — прокламація продолжаетъ: „За этотъ годъ мы ушли значительно впередъ, мы больше развились политически, мы яснѣй увидѣли, что самодержавное правительство намъ злѣйшій врагъ, мы убѣдились, что намъ нужна политическая свобода. Намъ нужны не только такія политическія права, въ которыхъ заинтересованы всѣ рабочіе Россійской имперіи, какъ напр., право собраній, право союзовъ и другіе права, — намъ нужны еще, кромѣ того, отмѣна исключительныхъ законовъ противъ евреевъ. Если деспотизмъ русского правительства давитъ русскаго, польскаго и литовскаго рабочаго, то еще сильнѣе угнетаетъ рабочаго-еврея, отнимая у него даже тѣ жалкія права, которыми пользуются рабочіе другихъ націй. Мы страдаемъ не только потому, что не имѣмъ политической свободы, но мы страдаемъ еще отъ законовъ, специально изданныхъ для евреевъ, какъ напр., постыдный законъ о чертѣ осѣдлости, по которому нѣсколько миллионовъ евреевъ скучены въ нѣсколькихъ губерніяхъ и такимъ образомъ гарантируютъ еврейской буржуазіи дешевыхъ рабочихъ, а рабочимъ — длинный рабочій день и низкую заработную плату.

Политическія права добровольно не даются, ихъ нужно добиться силой, силой вырвать изъ рукъ правительства. Въ этой борьбѣ мы будемъ не одни, а въ союзѣ со всѣми рабочими Россійского государства, которые, несмотря на короткій срокъ существованія рабочаго движенія въ Россіи, успѣли настолько подготовиться къ борьбѣ, что могутъ выставить такія крѣпкія организаціи, какъ „Польская соціалистическая партія“ — организація польскихъ рабочихъ, „Союзъ борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ — организація петербургскихъ рабочихъ, „Кievskій союзъ за освобожденіе рабочаго класса“, — организація кіевскихъ рабочихъ, „Всеобщій союзъ еврейскихъ рабочихъ Россіи и Польши“ — организація еврейскихъ рабочихъ. Общая борьба

этихъ организацій навела такой страхъ на правительство, что оно принуждено было выступить съ такимъ оружиемъ, какъ циркуляръ губернаторамъ 12 августа".

Прокламація эта вызвала большое волненіе на улицахъ. За распространеніе ея арестовано шесть человѣкъ, изъ нихъ пять рабочихъ.

Либава. — Очень характерна стачка, имѣвшая мѣсто наканунѣ прошлой Пасхи среди нашихъ извозчиковъ. Это была первая проба примѣненія стачки, какъ способы борьбы съ полицейскимъ деспотизмомъ. Еще въ прошломъ году рижскій полиціймайстеръ издалъ распоряженіе, чтобы извозчики не разъѣзжали порожнякомъ, а останавливались бы на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ихъ оставляетъ сѣдокъ. Но вслѣдствіе энергичнаго протеста со стороны извозчиковъ распоряженіе должно было быть взято обратно. Въ этомъ году либавскій полиціймайстеръ хотѣлъ попробовать счастья на пути насажденія "порядка" среди извозчиковъ. Либавскимъ извозчикамъ, какъ видно, не понравился новый "порядокъ", и они забастовали. Полиція прилагала всѣ усилия, чтобы сломить упорство стачечниковъ. Кромѣ городовыхъ и полицейскихъ, въ настоящей стачкѣ къ услугамъ администраціи явились крупные городскіе богачи, предложившіе свои экипажи къ услугамъ публики. Нѣкій г. Гроссь выслалъ цѣлыхъ три экипажа. Но высланные имъ люди выѣхали за городъ, чтобы скрыться тамъ изъ глазъ полиціи. Одинъ экипажъ полиціи все-таки удалось задержать, при чемъ были арестованы трое рабочихъ. Въ началѣ стачки извозчики выбрали изъ своей среды представителя, который долженъ былъ переговорить съ полиціей. Человѣкъ 50 провожали его до двухъ дверей полицейского управлениія и остались тамъ ждать возвращенія делегата. Когда же они услышали за дверьми грубую ругань полицейскихъ, они ворвались въ управлениѣ и основательно поколотили полицейскихъ (полиція старалась замолчать эту исторію). Послѣ двухдневной стачки распоряженіе полиціи было отмѣнено.

Брестъ-Литовскъ (Гродн. губ.). — Развившееся рабочее движеніе среди евреевъ въ Россіи захватило и Брестъ-Литовскъ. Тутъ имѣется нѣсколько профессіопальничьихъ союзовъ съ довольно большимъ количествомъ членовъ. Вотъ уже два года, какъ эти союзы ведутъ упорную, стойкую борьбу со своими эксплуататорами. Особенно крупныя и наиболѣе продолжительныя были стачки до и послѣ еврейскихъ праздниковъ. Были стачки слесарей, столяровъ, портныхъ, шорниковъ, рабочихъ на нѣкоторыхъ фабрикахъ. Причина стачекъ — требование 12-часового рабочаго дня, включая сюда два часа на завтракъ и обѣдъ. Всѣ стачки кончились удачно.

Стачки нагнали такого страха, что предприниматели, раввинъ, жандармы и полиція — всѣ соединились съ цѣлью искорененія "соціалистовъ". 9-го ноября жандармы дѣлаютъ первый набѣгъ; арестованы: акушерка и портниха; у послѣдней найдены три еврейскія соц.-демократическія брошюры. Произведено, кромѣ того, 8 обысковъ у рабочихъ, но безъ результатовъ.

15-го ноября арестованы: частный учитель, трое столяровъ, одинъ портной и произведено пять обысковъ у рабочихъ.

СТАЧКА ЛИКИ.
(Волшебная сказка).

Давно уже живеть ложь на свѣтѣ; много зла причинила она людямъ и миру. Послѣднее время ей трудно стало исполнять свою работу; она ежедневно стала слышать, какъ многіе люди ругали ее. И захотѣлось лжи, страшно захотѣлось, на старости лѣтъ сдѣлать какое нибудь доброе, хорошее дѣло. Но сама ложь никогда не знала хорошихъ дѣлъ, поэтому она рѣшила пойти къ попу, спросить совѣта. Она ему сказала, что ей хочется сдѣлать что нибудь необычайно хорошее.

— Самое лучшее, сказаль попъ, ступай къ портному и закажи себѣ новое и очень хорошее платье. Твоя одежда износилась и поэтому тебѣ уже никто не довѣряетъ. Ты знаешь, люди почти всегда судятъ по платью. Если ты сдѣлаешь себѣ новое платье, все передъ тобой будутъ преклоняться, какъ въ старину, особенно же народъ, который не узнаетъ тебя въ новомъ платьѣ.

— Но, возразила ложь, мнѣ думается, что это не будетъ хорошимъ дѣломъ...

— Ого! возразилъ попъ. По твоему миРъ и тишина въ государствѣ плохое дѣло? А миRъ наступаетъ всегда, когда ложь наряжается въ новое платье. А если народъ перестаетъ вѣрить лжи, — много величія разлетается въ прахъ. Стара же ты стала, если не понимаешь такихъ простыхъ вещей!

— Хорошо, я закажу новое платье, тихо сказала ложь и вышла. Но тутъ она вспомнила, что забыла спросить у попа адресъ портного, который могъ-бы ей сшить новое платье. И она вернулась обратно.

— Я старъ, сказалъ попъ, да и религія мало кого теперь прельщаетъ, а то-бы я самъ сшилъ тебѣ часть одежды. Но ты можешь обратиться къ другимъ портнымъ, напримѣръ, къ благородному министру финансовъ Витте, или оберъ прокурору святѣшага синода Побѣдоносцеву. Ты знаешь, конечно, этихъ господъ, и я увѣренъ, что имъ доставить удовольствіе оказать тебѣ услугу.

Поблагодаривъ вѣжливо попа, ложь выплыла отъ него и направилась прямо въ жилище министра Витте.

Онъ принялъ ложь очень любезно, какъ свою старую знакомую, и спросилъ, въ чёмъ дѣло.

— Да, да, быстро сказаRъ министръ, вамъ необходимо сшить новый костюмъ, времена измѣнились, все перевернулось и миру грозитъ опасность. Вотъ въ сосѣдней комнатѣ я посадилъ ученыхъ, которымъ приказалъ доказать, что правительство одинаково защищаетъ интересы капиталистовъ и рабочихъ, и что интересы русской промышленности и финансовъ требуютъ низкой заработной платы и длиннаго рабочаго дня. Я велѣль имъ доказать, что подстрекатели рабочихъ только вредятъ ихъ счастью, и что самое вѣрное средство добиться лучшей участіи состоить въ томъ, чтобы рабочие положились на отечески-заботящееся о нихъ правительство.

— И вы думаете, что рабочие вамъ повѣрять?

— Да, конечно, они добрый народъ, добрые простаки и готовы повѣрить всякому ласковому слову, а про то, какъ мы ихъ въ тюрьмы сажаемъ, изъ городовъ высылаемъ, мало кто знаетъ изъ нихъ: такие дѣйствія и приказы остаются въ тайнѣ, а во всеуслышаніе мы всегда говоримъ о нашихъ заботахъ и любви къ народу. Такъ отчего же имъ намъ не вѣрить?

Морщинистое лицо лжи было печально; она съ любопытствомъ рассматривала бойкаго и умнаго министра, но предложеніе его не прельстило ее. Она поблагодарила его и вышла.

Медленными шагами направилась она къ наперстнику умершаго царя Побѣдоносцеву.

— Здравствуй, насмѣшливо сказалъ онъ. Ты отъ молокососа, отъ высокочки? Чѣмъ угостила тебя? Новшествами! зары-

чалъ онъ стучать посохомъ. Попортили русскій благочестивый народъ, лишили его родной розги, настроили школъ, написали книжкъ. У-у!.... высокочки и новаторы! Не сносить вамъ головушекъ, если не послушаетесь опытнаго старика и не насадите старыхъ порядковъ. Лживая тварь! Однаково заботишься о рабочихъ и хозяевахъ, а изъ подтишка строишь тюрьмы, разводишь жандармовъ. Мы жили честно, пороли открыто, и люди жили мирно, чтя своихъ господъ и Бога, помогавшаго намъ насаждать повиновеніе. Уиди, ложь, ты мнѣ не нужна. Я и бѣть тебя съумѣю доказать, что все зло на свѣтѣ отъ просвѣщенія, я съумѣю настоять, чтобъ школы всѣ были закрыты, чтобъ не смѣль никто читать свѣтскихъ книгъ и узнавать изъ нихъ, что дѣлается на свѣтѣ, чтобъ читали всѣ Псалтырь и Четы-Миаки, чтобъ по всей Руси закрыты были книжные склады и типографіи, чтобъ книжки были всѣ сожжены, а просвѣтители казнены. И наступить снова миRъ, проговорилъ старикъ съ блаженной улыбкой, заставить во всѣхъ концахъ святой Руси березовые прутики, а музички и работнички покорно снимутъ штанки и съ чистою молитвою воспримутъ наказаніе. Жикъ! жикъ! наслаждался старикъ... А Русь Новая застонеть громкимъ голосомъ, закроетъ свое лицо свободное и дерзкое, и живо разлетится все, что крѣпнетъ и ростетъ. Нѣть, ложь, ступай. Лишь правда-матушка, да тьма безпросвѣтная избавять насть отъ бѣлья. И злобный взоръ сверкнулъ, и посохомъ застучалъ...

И ложь ушла. Устало опустилась она на траву. Вѣтеръ колыхалъ ея сѣдые волосы. Глубокая дума засѣла ей въ голову. Наконецъ, она рѣшительно поднялась и направилась въ рабочій кварталъ. Это было въ субботу, и работы только что окончились. Она вошла въ подвалный этажъ, въ сырую и мрачную комнату, въ которой сидѣла за скучнымъ ужиномъ рабочій съ женой и 5-ю дѣтьми. Рабочій поднялся, увидѣвъ входящую ложь.

— Простите, что я вѣсь беспокою, сказала ложь. Мое имя...

— О, мы, рабочіе, хорошо знаемъ имена своихъ благодѣтелей. Чему обязанъ я честью вашего посвѣщенія?

— Простите еще разъ.... Я хотѣла бы попросить у вѣсть съѣта.

— Совѣта? удивился рабочій. Вы знаете, что я не свѣдущъ въ вашихъ дѣлахъ. Вы должны обратиться къ ученымъ господамъ.

— Совершенно вѣрно, я такъ и поступила и только что была у нихъ.

— ??!

— Я стала стара...

— И хотите помолодѣть? съ насмѣшкою спросилъ рабочій.

— Нѣть, новая платья, въ которыхъ хотять меня одѣть, не сдѣлаютъ меня моложе.

— Отчего же, дураковъ еще много на свѣтѣ, не выдержалъ рабочий. Но при чёмъ я тутъ?!

— Вы меня не поняли. Я не хочу быть тѣмъ, чѣмъ я была до сихъ поръ. Я хочу сдѣлать какое нибудь очень, очень хорошее дѣло. При томъ истинно добре дѣло. Нѣкоторымъ образомъ покаяться въ грѣхахъ...

— Да, это любить дѣлать, осталась еще привычка отъ поповскаго воспитанія. Но я то тутъ при чёмъ?!

— Вы должны указать мнѣ, что дѣлать.

Рабочій осмотрѣлъ ложь съ ногъ до головы. Лицо его выражало напряженіе.

— Ба! вскрикнулъ онъ весело. Сдѣлайте стачку!

— Но я совсѣмъ не знаю...

— Ахъ! Вы не знаете, что это такое? Это значитъ — отказъ отъ работы. Мы, рабочіе, часто это дѣлаемъ, чтобы добиться лучшей жизни. Откажитесь работать на господь!

— Но тогда...

— Все разрушится, вы думаете?...

— Да...

— Утѣшитесь, разрушатся старые порядки, — найдется много каменьщиковъ, которые въ одинъ мигъ возведутъ новые.

— Тогда я послѣду вашему совѣту, благодарю васъ, будьте здоровы.

Съ этими словами ложь вышла изъ мрачной комнатки и на этотъ разъ сердце ея сильно забилось, а на лицѣ выразилась радость: она чувствовала, что ей предстоитъ сдѣлать что-то действительно великое.

—

На другой день поднялась невообразимая суматоха. Черное стало бѣльемъ, правое лѣвымъ, кривое прямымъ. Всѣ потеряли головы, не понимали, что они говорятъ и вилять. Приказчики въ лавкахъ заранѣе предупреждали покупателей, что продаются имъ гнилье и бракъ. Офицеръ побѣжалъ къ своей невѣстѣ и сказалъ ей, что хотѣлъ жениться не на ней, а на ея деньгахъ. Въ окружномъ судѣ товарищъ прокурора долженъ былъ сказать обвинительную рѣчь противъ воришки, но вдругъ, не зная, что съ нимъ дѣлается, началъ защищать его, началь ругать общество, которое неравенствомъ и нишетой доводить своихъ членовъ до воровства. Кончивъ рѣчь, онъ въ ужасѣ бросился бѣжать изъ суда, зная, что теперь его прогонятъ съ мѣста: начальство посадило его, чтобъ обвинять, а онъ защищалъ!

А что дѣлалось въ школахъ! Учителя исторіи правдиво рассказали, какъ произошло государство, какъ одинъ классъ сталъ править другимъ, какъ появились богатые и бѣдные, рассказали, что нужно дѣлать, чтобъ добиться справедливости и закона. Свя-

щенникъ пересталъ говорить о сотвореніи міра въ шесть дней, а рассказалъ, какъ произошелъ человѣкъ и животное царство по законамъ природы. Въ университетахъ профессора говорили студентамъ, что они граждане, что они молоды и должны со всѣмъ пыломъ юности бороться съ подлостью и безправіемъ. Студенты кричали: „Да здравствуетъ право, долой безправіе и беззаконность“ и цѣлыми толпами ходили по улицамъ, всѣмъ возвѣщая свою готовность на всякую борьбу. Ихъ молодыя лица дышали воодушевленіемъ, свѣжие голоса пѣли пѣсни свободы, и бѣдный людъ, встрѣчаясь съ ними, чувствовалъ въ нихъ своихъ защитниковъ. Полицейскіе стояли на своихъ постахъ, но не смѣли ихъ тронуть, не смѣли шевельнуться, подавленные рѣшительнымъ и спокойно-твѣрдымъ видомъ толпы.

Вотъ раздались продолжительные, заунывные гудки на всѣхъ фабрикахъ. Прогулѣли разъ, прогудѣли два, три... Что тамъ случилось? Рабочіе стояли на всѣхъ дворахъ, улицахъ и не шли работать: требовали хозяевъ. Испуганные хозяева повыскакали къ рабочимъ. На всѣхъ фабрикахъ произошли одинаковыя событія. На механическомъ заводѣ хозяинъ, дрожа и задыхаясь, спрашивалъ рабочихъ, что имъ нужно. „Намъ нужна человѣческая жизнь! Мы знаемъ, что еще не настало время, когда можно будетъ рабочимъ прогнать своихъ хозяевъ, когда наша работа будетъ принадлежать намъ сполна, безъ остатка. Мы знаемъ, такое время наступить. Но чтобы оноскорѣе наступило, рабочимъ нужно жить по человѣчески и многому учиться. Мы требуемъ 8-часового рабочаго дня и высокой платы. Мы требуемъ, чтобы фабрики были перестроены, и чтобы онѣ не пожирали здоровья рабочихъ“. Капиталисты уже совсѣмъ было задохнулся отъ ужаса, какъ вдругъ во дворъ вѣхали его друзья — конные жандармы. Сердце его запрыгало, взоръ оживился, ноги стали крѣпко: почуяли опору.

„Ахъ вы каналы, ахъ вы лѣнтии, ахъ вы скоты черномазые! Тюремъ вамъ мало, Сибирь не страшна?! Миръ вы позорите, царя беспокоите, — маршъ на мѣста“!!

— „Это мы знаемъ, давно уже слышимъ! Знаемъ и силишу вашу, — не глупы. Ну, да вѣдь время-то шло! Время-то шло, а мы не дремали, ладили кассы, людей привлекали. Видишь ты — тысячи насы — какъ одинъ! Хватиши товарища — сто за него, хватиши ты всѣхъ насы — и то ничего! Страшень разбродъ, а ты видишь — какъ спѣлися. На-ка, наткнись на союзъ! Выкусишь много — не тѣ времена“!

Извѣщеній о безпорядкахъ, блѣдный, взъерошенный вѣжаль во дворъ фабричный инспекторъ.

Капиталисты и ему обрадовался, какъ родному. Рабочіе пересмѣивались. „Виши-ты, и тутъ вѣдь союзъ“! слышались въ толпѣ

замъчанія. Фабричный инспекторъ пріосанился и гоголемъ повернулся къ рабочимъ.

— „Ну, вы чего тутъ? Что я вамъ сдѣлать могу? Ваяль я ваятку большую за то, чтобы капиталисту потакать, васъ не баловать“.

Фабрикантъ остервенѣлъ, бросился къ нему, но тотъ и самъ не зналъ, что съ нимъ дѣлалось; хотѣлъ, по привычкѣ, говорить одно, а слова вылетали другія. Онъ сдѣлалъ надъ собой усилие, чтобы вспомнить старое, и опять заговорилъ:

— „Намъ циркуляры постоянно пишутъ, велять за вами выслѣживать, вредныхъ выуживать, жандармамъ доносить, стачки запрещать, интересы фабриканта защищать“.

Инспекторъ весь дрожалъ, ротъ себѣ затыкалъ, а слова срывались, да все не тѣ, которыя нужны ему были. Съ отчаяніемъ схватился онъ за голову и еще разъ хотѣлъ попробовать.

— „Вся бѣда для васъ въ томъ, что свободы нѣть у васъ, что все у насъ дѣлается тайно, что нельзя вамъ собираться, дѣла вмѣстѣ обсуждать, что министры у насъ — властелины, нѣть на нихъ суда и управы, и фабричный инспекторъ не можетъ слушаться ихъ, не можетъ служить рабочимъ, пока рабочіе нуль, пока не добились они права самимъ участвовать въ законодательствѣ“.

— Батюшки! Карапуль! Свѣтопреставленіе! ораль фабрикантъ, а рабочіе внимательно слушали и требовали отъ инспектора дальнѣйшихъ разъясненій.

— „Добейтесь свободы собраній, свободы печати, добейтесь парламента, т. е. такого учрежденія, куда бы вы могли посыпать своихъ представителей. Тогда не будете беззащитны, и союзы ваши окрѣпнутъ и упрочатся, и жизнь станетъ лучше, и работа легче. И не будете вы сотнями сидѣть по тюрьмамъ, не будете заселять суровую, холодную Сибирь. И не только вамъ, а всѣмъ отъ этого станетъ легче: лжи не будетъ, вся борьба пойдетъ открыто и явно“.

Слезы катились по щекамъ инспектора, онъ уже ничего не боялся, онъ чувствовалъ безумную радость, теплота разливалась на душѣ отъ сознанія, что первый разъ въ жизни онъ совершає великое дѣло: защищаетъ правду и законъ.

Съ фабрикантомъ сдѣлались судороги, онъ въ бѣшенствѣ валялся по землѣ, а безмолвные жандармы хлыстнули кнутами и двинулись на рабочихъ. Сплотились рабочіе. Съ крикомъ: „да здравствуетъ наша свобода“ бросились они какъ одинъ на жандармовъ, схватили лошадей подъ уздцы. Сбросивъ махавшихъ обнаженными саблями враговъ, связали ихъ, а сами двинулись ко дворцу — просить царя устроить въ странѣ справедливое правленіе.

А во дворцѣ происходило тоже небывалое, невиданное. Царь

сидѣлъ блѣдный какъ смерть на креслѣ, у ногъ его безмолвная царица. Вокругъ нихъ министры и сенаторы. На особомъ креслѣ сидѣлъ Побѣдоносцевъ, злобно рычалъ и стучалъ посохомъ.

— „Дождались, голубчики! Кончился пиръ! Перевернется косточки царей нашихъ праведныхъ. Нѣть! Не вывернуться теперь! Нѣть! Не вернется березовые прутики: подлая чернь сама будетъ править нашимъ царствомъ. Дождались, косатики“!

И страшные глаза его ворочались во всѣ стороны и молнией сверкали, и зубы скрежетали...

Витте докладывалъ царю, что дѣла плохи, рабочихъ больше нельзя усмирить, сознательны стали, страхъ потеряли, что подпольные книжки ростутъ, какъ грибы, тюрьмы полны, Сибирь заселилась, а сила ростеть не по днямъ — по часамъ!

— Войска, вѣдь, много у насъ! молвилъ царь. Крови что ль жалко вамъ? Кому вы всѣ служите? Намъ или имъ? Затопите всю Русь кровью мерзавцевъ, пустите войска, спасите нашъ тронъ! Ну?! Приросли что ли къ мѣсту?

— Ваше Величество!.... Это нельзя! Нельзя перебить намъ рабочихъ: фабрики станутъ промышленность рухнетъ, вѣдь, мы всѣ съ нея-же живемъ! Винные склады, дороги желѣзныя, заводы, рудники — все, вѣдь, погибнетъ, и мы вмѣстѣ съ ними, гдѣ мы рабочихъ возьмемъ? Правду я долженъ докладывать Вамъ: намъ безъ рабочихъ теперь ужъ нельзя — все на нихъ держится — Ваши и наши доходы, сила Россіи и слава царя!

— Молчать! молвилъ царь. — Знать не хочу! Войско пустите — всѣхъ перебью!

Дверь отворилась, въ слезахъ вся вошла старая мать государя.

— Кончилось царство! Молилася я долго. Вижу — должны уступить. Тронъ, вѣдь, останется — власти не будетъ, богъ посыпаетъ судьбу! Улицы полны народомъ, рѣшайте, иначе — будетъ бѣда. Или забыли, какъ казнила въ странахъ сосѣднихъ чернь королей и царей? Или головы вамъ не жалко? Молвила — вышла, а царь все сидѣлъ, думушку горькую думалъ.

Вдругъ всѣ вскочили: раздался набатъ, гулъ оглушительный, бой барабановъ, пѣсни свободныя, клики побѣдные, выстрѣлы ружей, изъ пушекъ пальба. Всѣ притаили дыханье, потомъ — медленно двинулись къ окнамъ. Народъ бушеваль. Рабочіе уже были не одни: всѣ недовольные, всѣ угнетенные шли противъ войска, были за нихъ.

— Эй вы, солдатики! Бейте-ка братьевъ, кровь проливайте, намъ вы не страшны! Мы умреть собрались или добиться правды, свободы, законовъ для насъ!

Били солдатики, били и ихъ, силы у нихъ ужъ не стало: толпа все росла, и конца ей не видно, народъ все валить и бушуетъ, какъ вихрь.

— „Прорвана брешь! Побѣда за нами“! Дворецъ окружень — онъ во власти толпы. „Царя! Государя“! рокочеть народъ.

Вдругъ все смолкло: балконъ растворился, царь вышелъ съ царицей, министры за нимъ.

— „Долой кровопийцевъ! Законы мы сами хотимъ издавать! Чтобы всѣ были равны! Чтобы не было тюремъ, цензуры, жандармовъ и стоновъ кругомъ! Чтобы жили по правдѣ, насилие къ чорту, мы сами съумѣемъ законы хранить“!

Царь слушалъ безмолвно, царица дрожала, народъ все сильней и сильней наступалъ.

— „Вы правду сказали: насилие служить опорой и пашему трону, и намъ. Насиліе это держалось на томъ лишь, что было въасъ мало — мы въшать могли, морозить въ Сибири, гноить въасъ въ тюрьмѣ. Теперь — вы побѣдили. Оружіе мы сложимъ, борьба намъ невозможна и часъ нашъ наступилъ. Рѣшенье я принялъ: даю вамъ свободу, судите и правьте вы царствомъ моимъ! А царскому дому оставьте лишь право жить въ роскоши, пышно, хотя не у дѣлъ“!

— На все мы согласны! Лишь дай намъ свободу! Мы счастье насадимъ, мы ложь изведемъ! Намъ трудъ невозможенъ безъ полной свободы, намъ жизнь не мила и смерть не страшна! Мы долго терпѣли, теперь не уступимъ, долой всѣ преграды, мы все побѣдили!...

— „Свободу берите... Надолго ли хватить свободы вамъ этой и равенства правъ? Смотрите, вы крѣпче ее берегите: не только цари отнимаютъ ее. Кто силенъ, тотъ можетъ свободу парушить, лишь сила же можетъ ее сохранить“...

И царь не замѣтилъ, какъ правда срывалась съ его блѣдныхъ устъ. Министры дивились, царица молчала, народъ ликовалъ. А солнце налило и все освѣщало своимъ яркимъ блескомъ, и счастье сулило измученнымъ людямъ, по трупамъ скользило, какъ будто бы лаской горячей хотѣло за жертвы воздать.

„Да здравствуетъ правда! Да здравствуетъ счастье! и жизнь, и свобода, и радость кругомъ“! Раздалось и смолкло: народъ обнимался, какъ будто бы праздникъ какой наступилъ..

На другой день всѣ газеты возвѣстили важное событие: этой почтой скончалась ложь. Ея сухое изможденное тѣло не перенесло послѣдствій стачки.

Народъ повсюду выбиралъ представителей въ Земской Соборъ.

